

УДК 93/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/8

## **Бывшие офицеры, социализировавшиеся в духовенство в советском обществе 1920-х гг. (на примере УССР)**

**А.В. Сушко<sup>1</sup>, Д.И. Петин<sup>2</sup>**

Омский государственный технический университет

<sup>1</sup> E-mail: alexsushko\_1974@mail.ru

<sup>2</sup> E-mail: dimario86@rambler.ru

### **Авторское резюме**

Анализируется вопрос, связанный с социальной адаптацией представителей бывшего офицерства, избравших формой своей поствоенной социализации в советском обществе в 1920-е гг. весьма нетипичный путь – религиозное служение с причислением в духовенство. Проблема исследуется на примере территорий крупного субъекта СССР – Украинской Советской Социалистической Республики, где проживали десятки тысяч комбатантов, являвшихся в период Первой мировой и Гражданской войн офицерами или военными чиновниками. Основой для анализа выступило справочное издание «Книга учёта лиц состоявших на особом учёте бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины», подготовленное сотрудниками советских спецслужб для нужд оперативной работы. Также использованы источники (неопубликованные, печатные) из фондов Российского государственного военно-исторического архива, частично иллюстрирующие боевой путь наиболее заметных и показательных представителей изучаемой выборки комбатантов. Военная антропология, институциональный подход, статистический, просопографический, историко-сравнительный и историко-генетический методы составили методологическую основу исследования. Данная теоретическая комбинация позволила выделить некоторые социальные и служебные характеристики бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство и живших на территории советской Украины в 1920-е гг., составив на основе полученных сведений коллективный портрет указанной группы лиц. В дискуссионном порядке оговорены вероятные мотивы, побудившие её представителей к выбору такого рода профессионального и одновременно духовного служения. Этот сюжет в исследовании соотнесён с социальными условиями эпохи, а также с ужесточавшейся в СССР в течение 1920-х гг. общественно-политической атмосферой.

**Ключевые слова:** военная антропология, офицерство, духовенство, Первая мировая война, Гражданская война в России, советская Украина, комбатанты

## **Former officers socialized into the clergy in 1920s Soviet society (The case of the Ukrainian SSR)**

**Alexey V. Sushko<sup>1</sup>, Dmitriy I. Petin<sup>2</sup>**

Omsk State Technical University

11 Mira Street, Omsk, 644055, Russia

<sup>1</sup> E-mail: alexsushko\_1974@mail.ru

<sup>2</sup> E-mail: dimario86@rambler.ru

### **Abstract**

This article analyzes the social adaptation of former officers who pursued an unconventional trajectory in post-war Soviet society during the 1920s: joining the clergy and entering religious service. The study focuses on the Ukrainian Soviet Socialist Republic, a major Soviet republic that was home to tens of thousands of former combatants who had served as officers or military officials during the First World War and the Civil War. The primary source for this analysis is the reference work *The Book of Registration of Persons Who Were on Special Account of Former White Officers in the Bodies of the GPU of Ukraine*, compiled by Soviet state security organs for operational purposes. Supplementary unpublished and published materials from the Russian State Military Historical Archive are also employed to partially reconstruct the military backgrounds of notable individuals within the studied group. Methodologically, the research is grounded in military anthropology and an institutional approach, supported by statistical, prosopographical, historical-comparative, and historical-genetic methods. This interdisciplinary framework has enabled the identification of key social and professional characteristics of former officers who transitioned into the clergy and resided in Soviet Ukraine during the 1920s, allowing for the construction of a collective profile of this group. The article discusses, in a reasoned manner, the probable motives that led these individuals to choose a path of professional and spiritual ministry. This question is contextualized within the broader social conditions and the increasingly repressive socio-political atmosphere that characterized the USSR over the course of the decade. This publication will be of interest to scholars specializing in the history of religion, military and social history, historical psychology, military anthropology, and the study of early Soviet society.

**Keywords:** military anthropology, officers, clergy, World War I, Civil War in Russia, Soviet Ukraine, combatants

Одной из активно исследуемых сегодня проблем советской истории является положение представителей бывшего офицерства в постреволюционном социуме и их адаптация к его условиям. Важность изучения феномена российского офицерства в эпоху социальных катаклизмов подчёркивает один из авторитетных академических специалистов, историографов темы Р.Г. Гагкуев [7: 8]. Отметим, что достаточно нетипичным аспектом проблемы, не привлекавшим внимания исследователей, является бытование указанных комбатантов после окончания Гражданской войны в России в мирной жизни, избравших как путь социализации религиозные институты и ставших священнослужителями. Подчеркнём, что таких людей в СССР в 1920–1930-е гг. было весьма немного и с точки зрения социалистического государства они относились к «бывшим людям» по двум основаниям. Во-первых, как офицеры, причём, часть из которых в годы Гражданской войны участвовали в Белом движении либо проживали в тот период на территории, занятой антибольшевистскими силами; во-вторых, как священнослужители. Для подобных представителей советского общества это было чрезвычайно опасное сочетание, которое потенциально могло вести к различным притеснениям по политическим мотивам со стороны социалистического государства: от лишения избирательных прав до внесудебного осуждения, результатом чего могло стать ограничение свободы или высшая мера наказания. При этом, как правило, страдал не только сам фигурант дела, но и члены его семьи, окружение.

Доля таких комбатантов, социализировавшихся после участия в войнах как священнослужители, крайне мала на фоне общей массы бывшего офицерства в СССР. Даже приблизительное количество этих людей историкам неизвестно. Без полновесных статистических сведений невозможно получить и социальных характеристик, позволяющих просопографическим методом описать их коллективный портрет. Осмысление обозначенного вопроса в некоторой степени становится возможным при обращении к отдельным региональным примерам. В частности, выборку таких комбатантов на уровне одной крупной республики СССР позволяет выявить репринтный факсимильный четырёхтомник «Книга учёта лиц состоявших на особом учёте бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины». В исходной версии источник представляет собой справочно-информационное издание, подготовленное для оперативной работы сотрудниками советских спецслужб. Датой фактической актуализации сведений (как указано в оригинале справочника) стоит считать 1931 г. Каждый том

сопровождён предисловием современного украинского историка Я.Ю. Тинченко [9].

В «Книгу учёта» вошло подавляющее большинство имён бывших офицеров Русской (императорской), белых и национальных (Скоропадского, Петлюры, польской) армий, проживавших в 1920-е гг. на территории УССР. В издании, учитывая его ведомственное предназначение, в отношении указанных лиц содержится лишь необходимый для идентификации «особоучётника» минимум кратких сведений. Это фамилии, имена, отчества, последние чины в старой и советской армиях, наименование советской армии, даты постановки на особый учёт органом ВЧК – ОГПУ и снятия с него, наименование сделавшего этого органа, последние места службы и жительства «особоучётника». Но и этот, на первый взгляд, не слишком многочисленный набор данных открывает путь к любопытным обобщениям. Несмотря на наличие предисловий Я.Ю. Тинченко, четырёхтомник – это еще недооценённый источник по истории раннего советского социума, заслуживающий отдельного критического осмысления.

Цель данного исследования – на основе «Книги учёта» выявить людей, посвятивших себя религиозному служению в советском обществе в 1920-е гг. и реконструировать их коллективный портрет.

Справочник включает данные по специально разработанному шаблону характеристики 21 062 персоналий (без учёта отдельных повторов, допущенных при составлении алфавитного указателя). При анализе совокупности этих лиц обращает на себя внимание специфичная группа из 59 человек, в отношении которых в графе 10 «Последнее место службы» указано: «священник», «дьякон», «псаломщик». Таких людей от общего числа персоналий оказалось крайне малое количество – всего 0,28 %. Но все они в годы Первой мировой войны (а некоторые и в период Гражданской войны в России) были участниками боевых действий, затем, вернувшись к мирной жизни, посвятили себя религиозному служению, сохранив этот выбор в советском обществе. Несмотря на общее по многим параметрам сходство с основной массой фигурантов справочника, эта микрогруппа феноменальна с точки зрения своей деятельности (профессиональной и духовной). Специфика «Книги учёта» не позволяет детализировать биографию, равно как и понять мотивы, побудившие вернувшихся с фронта офицеров посвятить себя такому служению. Полученная по ним статистика обобщена в форме таблиц (см. табл. 1–4), в рамках которых был выстроен анализ.

Возраст комбатантов соотносится с общей тенденцией лиц, мобилизованных в Российской империи в ходе Первой мировой войны и назначенных на офицерские должности. На момент присвоения первого

офицерского чина в военно-революционный период представители из выборки в своем большинстве были мужчинами молодого и среднего возраста (табл. 1). Соответственно, ко времени подготовки органами ОГПУ справочника на 1931 г. основной возраст анализируемых фигурантов составлял от 30 до 50 лет. Показатель видится репрезентативным, поскольку отсутствуют данные лишь на одного человека.

Таблица 1

**Сведения о возрасте и местности рождения живших в УССР в 1920-е гг. бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство**

Период рождения, годы	Место рождения			Итого, чел.
	Село	Город	Нет данных	
1866–1870	0	0	1	<b>1</b>
1871–1875	0	1	0	<b>1</b>
1876–1880	3	1	0	<b>4</b>
1881–1885	10	4	0	<b>14</b>
1886–1890	12	1	0	<b>13</b>
1891–1895	16	3	0	<b>19</b>
1896–1900	5	2	0	<b>7</b>
<b>Всего, чел.</b>	<b>46</b>	<b>12</b>	<b>1</b>	<b>59</b>

Социальное происхождение лиц, входивших в описываемую группу, соотносится как с общей картиной преобладания крестьян в Российской империи, так и с сословным составом офицерского корпуса Русской армии к 1917 г. [3: 89]. Такой вывод мы делаем исходя из того, что в массе изучаемые комбатанты были крестьянами или имели крестьянские корни, поскольку 78% лиц – 46 человек из выборки – уроженцы села. Причём 97% из них родились на территории юго-западных губерний Российской империи, включённых впоследствии в состав УССР. Этот показатель по изучаемой микрогруппе также репрезентативен: нет сведений лишь на одного человека.

В источнике не указан уровень гражданского и военного образования комбатантов. Но общая тенденция призыва в годы Первой мировой войны в Русскую армию на должности офицеров образованных лиц даёт основания утверждать, что именно образование позволило этим людям подняться из крестьян по социальной лестнице и стать офицерами [18: 130]. В соответствии с табл. 2, это были лица, вошедшие в командно-административный состав армии в условиях военного времени, скорее всего, в период Первой мировой войны прошедшие ускоренную подготовку в военных училищах или школах прапорщиков. Из них 85% (50 чел.) – собственно офицеры (из них 51 %, 30 чел., – прапорщики), остальные – армейские чиновники

(15 %, 9 чел.), установить их гражданский чин на службе в военном ведомстве по «Книге учёта» невозможно.

В отношении воинских чинов характерно, что в изучаемую группу входили в массе бывшие обер-офицеры, если и получившие, то лишь незначительное дальнейшее чинопроизводство (таковых от всего количества 34 %, 20 чел.). Это доказывает, что основа выборки – не кадровые военные, а типичные офицеры военного времени, ставшие военнослужащими с началом мобилизации и не планировавшие навсегда связывать себя с военной службой. В изучаемой выборке высшего чинопроизводства, получив погоны капитана, достигли двое, являвшиеся кадровыми офицерами и служившие на 1 января 1909 г. в Русской императорской армии. Первый – сын священника, капитан 232-го пехотного Радомысльского полка Комашко Евгений Васильевич, выпускник Одесского военного училища, награждённый в «Великую войну» орденами Св. Анны 4-й ст. (5 апреля 1916 г.) и 3-й ст. с мечами и бантом (24 января 1915 г.) [10]. В 1920-е гг. он последует примеру отца, став священником в селе Рогинца Винницкого округа [9, т. 2: 875]. Второй – священник села Верки Тульчинского округа Баскевич Иван Тимофеевич [4; 9, т. 1: 97], в прошлом капитан 20-го Сибирского стрелкового полка. Он 13 февраля 1915 г. был оставлен на поле боя, получив ранение, содержался в плену в Германии. Незадолго до этого события 26 января 1915 г. «за отличия в делах против неприятеля» был пожалован орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом [15: 169; 16: 7].

Согласно справочнику, во второй половине 1920-х гг. в городах УССР и Молдавской АССР проживало 5 156 бывших офицеров и военных чиновников (с учётом юнкеров и вольноопределяющихся). Наибольшее их количество были одесситами (21 %, 1061 чел.), однако в изучаемой микрогруппе таковых нет. Подчеркнём, что в целом указанная статистика по городам весьма неполна, эти цифры – лишь относительный ориентир. Ведь сохранилось лишь менее половины данных по Киеву, где также проживало весьма значительное количество бывших офицеров и военных чиновников старой и белой армий (подсчитано по: [9, т. 1: 14–15]). Тем не менее общая тенденция ясна и соотносится с ситуацией в РСФСР. Указанные комбатанты стремились обрести себя в условиях городов, где их образовательный ценз и разнообразные профессиональные навыки были весьма востребованы [11: 170, 172]. Но любопытно другое: по отношению к общей массе бывших офицеров, оседавших в городах СССР, где они «использовали» своё образование для социализации в советском обществе, изучаемая микрогруппа, состоявшая преимущественно из сельских жителей, нетипична.

Таблица 2

**Сведения о чинах, службе и жизни в период Гражданской войны живших в УССР в 1920-е гг. бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство**

Чины	Военная служба в годы Гражданской войны												Итого, чел.		
	Армия Деникина		Армия Петлюры		Армия Гетмана		Польская армия		Армия Колчака		Нет данных		Слу-жило	Про-жива-ло	По кате-гории
	Слу-жило	Про-жива-ло	Слу-жило	Про-жива-ло	Слу-жило	Про-жива-ло	Слу-жило	Про-жива-ло	Слу-жило	Про-жива-ло	Слу-жило	Про-жива-ло			
Прапорщик	1	8	2	3	0	1	0	3	0	0	0	0	3	27	30
Подпоручик / хорунжий	1/0	3/0	1/1	0	0/1	0	1/0	0	0	0	0	0	2/2	4/0	8
Поручик	0	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	3	2	4	6
Штабс-капитан	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2	2	2	4
Капитан	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	2	2
Военный чиновник / чиновник военного времени	0/1	0/3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1/4	0/1	1/7	1/8
<b>Всего, чел.</b>	<b>3</b>	<b>16</b>	<b>4</b>	<b>4</b>	<b>2</b>	<b>1</b>	<b>0</b>	<b>4</b>	<b>1</b>	<b>0</b>	<b>0</b>	<b>24</b>	<b>10</b>	<b>49</b>	<b>59</b>

В период Гражданской войны 49 человек из анализируемой выборки (83 %) не принимали участия в ней, проживая как штатские лица, на территории, занятой силами Скоропадского, Петлюры, Деникина или польской армией. Точные сведения данного характера есть лишь в отношении 25 чел. из 49. Вероятно, происхождение этих комбатантов было из семей представителей церковного причта, а принятие сана произошло сразу после Первой мировой войны с причислением к церковному клиру в 1917–1918 гг. Эти факторы вполне могли влиять на отказ от участия в боевых действиях в разгоравшемся братоубийственном противостоянии через обращение комбатантов к религиозному служению. Нельзя исключать, что пережитые психологические потрясения и испытываемый посттравматический синдром в условиях эпохи социальных катаклизмов стали стимулом к принятию сана и новому обретению себя в тихой провинциальной жизни. К концу 1920-х гг. представители изучаемой микрогруппы в массе осели в сельской местности УССР, что связано с приходской деятельностью духовенства, получением иереями от епархии назначений в конкретный сельский приход и т.п. Жителями городов УССР к тому моменту стали лишь 11 чел. из выборки (19 %).

Десять комбатантов из выборки служили в годы Гражданской войны в несоветских армиях, но повышения в чине не получили. Из них: четверо служили у Петлюры, трое – у Деникина, двое – у Скоропадского, один – у Колчака (см. табл. 2).

В общей выборке нет юнкеров и морских офицеров, а офицеров казачьих войск, по-видимому, только двое (исходя из присвоенных им чинов хорунжих), хотя этот показатель полностью сложно просчитать, поскольку «Книга учёта» не содержит детализаций биографии. Какое-то количество анализируемых комбатантов, исходя из региональной специфики, вполне могли происходить из казачества, служить в казачьих частях.

При обращении к неопубликованным источникам, очевидно, что среди других комбатантов из выборки, наряду с упомянутыми выше, были люди с богатым фронтовым опытом. Командир роты 55-го пехотного Подольского полка, поручик Гришук Деонисий Демьянович на фронте находился с 25 февраля 1917 г.; в бою 15 августа, несмотря на ранение, организовал контратаки роты, выбил противника с позиций, за что получил орден Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом [17: 2–3]. Впоследствии он станет священником в селе Притыка Уманского округа [9, т. 1: 455].

Живший в 1920-е гг. в родном селе Оробиевка на Полтавщине псаломщик Иваненко Даниил Васильевич [8, т. 2: 293], состоявший в «Великую войну» подпоручиком 176-го пехотного Переволоченского

полка, был ранен, но стойко проявил себя в бою 23 декабря 1916 г., за что в январе 1917 г. пожалован орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами бантом [14: 2]. Поручик 74-го пехотного Ставропольского полка Кутинский Феофан Иванович за 1914–1917 гг. получил 4 ранения, был награждён орденами Св. Анны 4-й ст. (3 марта 1916 г.), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (21 октября 1915 г.) и 2-й ст. с мечами (28 июня 1916 г.) [5: 22]. В 1920-е гг. он станет священником села Подвысоки Уманского округа [9, т. 2: 1011].

Орденами Св. Анны 4-й ст. «за отличия в делах против неприятеля» были отмечены будущие священники – подпоручик 57-го пехотного Модлинского полка Поставский Александр Антонович в 1916 г. [6: 37; 9, т. 3: 1507] и поручик 77-го пехотного Тенгинского полка Родимов Дмитрий Викторович в 1917 г. [9, т. 3: 1583; 12: 6].

Наиболее выдающейся видится фронтовая биография Панкевича Арсения Олимпиевича, который в 1920-е гг. станет псаломщиком в селе Вехновцы Подольской губернии [9, т. 3: 1391]. В «Великую войну» он – штабс-капитан 195-го пехотного Оровайского полка, пожалованный за ратную доблесть орденами – Св. Анны 4-й ст. (22 марта 1916 г.), 3-й ст. с мечами и бантом (28 декабря 1915 г.) и 2-й ст. с мечами (10 сентября 1916 г.), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (4 октября 1916 г.) и 2-й ст. с мечами (9 октября 1916 г.), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (22 октября 1916 г.). А 31 августа 1917 г. он получил орден Св. Георгия 4-й ст. – одну из наиболее престижных в офицерской среде боевых наград [13: 41].

Приведённые факты неоднократного героизма на поле боя представителей микрогруппы свидетельствуют о том, что после завершения военной службы посвящали себя церковной жизни состоявшиеся, волевые личности, прошедшие через тяжёлые психологические испытания и вполне осознанно делавшие выбор в пользу религиозного служения. К сожалению, в «Книге учёта» не сообщается об их принадлежности к конкретному конфессиональному направлению. Стоит полагать, что в массе это были служители православия, хотя допустимо, что кто-то из них являлся униатом или католиком, ведь указанные христианские вероучения к началу XX в. распространялись в юго-западных губерниях Российской империи. Справочник содержит информацию только о месте комбатантов в церковной иерархии. Так, четверо были псаломщиками, трое – дьяконами, остальные (88 %, 52 чел.) указаны как священники.

В значительной массе – 52 чел. из выборки (88 %) – как бывшие офицеры они были поставлены на особый учёт органами ВЧК – ОГПУ на территории УССР. Заметная часть комбатантов (20 чел., 34%) стала «особоучётниками» в 1923 г. – в пик перерегистраций представителей

бывшего офицерства военкоматами и чекистским ведомством. Но данные справочника о снятии с особого учёта не репрезентативны; эта информация представлена лишь в отношении 16 чел. (27%), снятых с учёта органами ОГПУ по месту своего проживания. Из них 15 фигурантов данная процедура коснулась в период её проведения во всесоюзном масштабе в 1925–1926 гг. (табл. 3, 4); особый учёт, как гласная мера по отношению к бывшим офицерам в СССР, был прекращён к 1928 г. [1: 73].

О том, что указанная группа является феноменом, свидетельствует тот факт, что основная масса бывших офицеров и военных чиновников в большевистской России, а затем в СССР профессионально массово обрели себя в качестве разного уровня служащих, в 1920-е гг. являясь основой советской бюрократии наряду с иными представителями «бывших людей». В то время выбор именно духовного служения в социалистическом государстве и советском обществе был не просто нетипичным. Это был в политическом смысле откровенно небезопасный шаг в условиях антирелигиозной компании, набиравшей силу в СССР и уже в конце 1920-х гг. вылившихся в повсеместный террор против именно сельского духовенства, которое, по мнению идеологов коллективизации и представителей советских спецслужб, препятствовало колхозному строительству. Территория УССР, наряду с Севером РСФСР, Уралом и Сибирью, стала тогда одним из форпостов борьбы с кулачеством [2: 1236].

Таблица 3

**Сведения о постановке на особый учёт в органах ВЧК – ОГПУ живших в УССР в 1920-е гг. бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство**

Нет данных	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	Итого, чел.
6	2	4	8	1	20	10	4	3	1	59

Таблица 4

**Сведения о снятии с особого учёта в органах ОГПУ живших в УССР в 1920-е гг. бывших офицеров, социализировавшихся в духовенство**

Снятие с особого учёта в органах ОГПУ, чел.				Итого, чел.
Нет данных	1925 г.	1926 г.	1927 г.	
43	7	8	1	59

С первых месяцев существования советской власти бывшие офицеры, как и представители духовенства, олицетворявшие для социалистического государства «историческую контрреволюцию», подвергались

политическим репрессиям. Своего пика карательные меры достигли во время Большого террора. Но насколько это затронуло лиц из анализируемой выборки, сказать точно в текущих условиях не представляется возможным. В нашем распоряжении есть сведения лишь в отношении 7 чел. (12 %). Причём в 1930-е гг. все они оказались за пределами УССР. Из них четверо были расстреляны, остальные получили срок заключения в ИТЛ [8]. Стоит сказать, что трое на момент репрессий продолжали религиозную деятельность; в графе о роде занятий у двоих указано «священник», у одного – «псаломщик». Это дополнительно свидетельствует об осознанности сделанного ими выбора религиозного служения. Труднодоступность источниковой базы не позволяет до конца охарактеризовать данный аспект применительно к выборке. Количество репрессированных лиц наверняка было больше, так как Советское государство на рубеже 1920–1930-х гг. поставило целью полное изживание религии, для чего последовательно уничтожало духовенство. Если у бывшего офицера старой и (или) белой армии при соответствующем поведении, профессиональной востребованности для государства и стечении обстоятельств был шанс в советском обществе избежать политических репрессий, то у представителя духовенства без согласия на агентурную работу на советские спецслужбы в то время такого шанса не имелось.

Помимо этого, сценарии социально-политического встраивания изучаемых представителей микрогруппы в последующие годы, например в период нацистской оккупации, могут быть крайне вариативны: от коллаборационизма до содействия советским партизанам. При этом нельзя исключать благополучный (относительно политической конъюнктуры эпохи) исход жизни и естественную смерть. Здесь стоит помнить, что в 1940-е гг. основной массе изучаемых комбатантов было уже не менее 55–60 лет, многие из них имели фронтовые ранения, могли перенести тяжёлые заболевания (тиф, холеру, пневмонию и др.), эпидемии которых повсеместно бушевали на рубеже 1910–1920-х гг. Всё это лишь подрывало здоровье.

Как видим, коллективный портрет человека, избравшего в 1920-е гг. для себя путь служителя церкви на территории УССР, рисует мужчину средних лет, имевшего сан священника с назначением в сельскую местность. Он происходил из крестьян юго-западных губерний Российской империи, был призван в армию во время Первой мировой войны, произведён лишь в прапорщики либо получил незначительное производство в 1–2 чина; за участие в боевых действиях имел награды. В годы Гражданской войны проживал на территории, занятой несоветскими силами. В 1923 г. был поставлен на особый учёт в органах ОГПУ по месту жительства.

Авторитетный российский специалист в области военной антропологии Е.С. Сенявская выделяет в качестве актуальных для изучения аспектов названного междисциплинарного направления проявление религиозности комбатантов, а также их «выход из войны» [19: 31]. Согласившись с ней, приведём дополнительно тезис, который развивает в одном из интервью петербургский историк Н.Н. Смирнов, подчёркивающий, что церковная история и история гражданского общества в контексте своём неразрывно связаны [20: 61]. В этом отношении изученная группа – одна из форм адаптационно-защитной реакции представителей образованной части общества на события эпохи социальных катаклизмов. Причём их выбор в тех обстоятельствах в пользу религиозного служения вряд ли может как-то соотноситься лишь с материально-бытовой мотивацией и с объяснимым желанием выжить. Сделанный комбатантами шаг в сторону церкви свидетельствует об их твёрдом стремлении к поиску своей религиозной сущности и внутренней стабильности на религиозном поприще.

Проблема, поставленная в данном ракурсе, сочетает собственно военную историю, социальную историю и историческую психологию, обращающие суждения к Trauma studies и истории эмоций. Наше исследование, пусть и на примере исключительной по ряду признаков социальной микрогруппы, даёт возможность проследить вариации личностных трансформаций комбатантов и влияние на эти процессы военно-революционной эпохи. Это, свою очередь, поможет в конструировании сквозь призму историко-антропологического подхода взвешенных суждений о последствиях Первой мировой и Гражданской войн для общества.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Абиныкин Р.М. Особый учёт бывших белых офицеров в советской России и СССР в 1920–е гг. // Учёные записки Орловского государственного университета. 2010. № 3–1. С. 66–75.

2. Анфертьев И.А. Сталинская ликвидация кулачества как класса и организация процесса пролетаризации советского крестьянства // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1229–1244. doi: 10.28995/2073-0101-2021-4-1229-1244

3. Аракелова М.П., Загоруйко М.В. Влияние событий Первой мировой войны и февраля 1917 г. на формирование российского офицерского корпуса // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 87–101.

4. Баскевич Иван Тимофеевич // Офицеры Русской императорской армии. URL: <https://ria1914.info> (дата обращения: 15.07.2025).

5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд печатных изданий. Высочайший приказ. 4 марта 1915 г. 35 с.

6. РГВИА. Фонд печатных изданий. Высочайший приказ. 1 августа 1916 г. 23 л.
7. Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12. doi: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12
8. Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/> (дата обращения: 15.07.2025).
9. Книга учёта лиц состоявших на особом учёте бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины: в 4 т. / авт. предисл. Я.Ю. Тинченко. Харьков: Сага, 2011–2012.
10. Комашко Евгений Васильевич // Офицеры Русской императорской армии. URL: <https://ria1914.info> (дата обращения: 15.07.2025).
11. Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. doi: 10.17223/15617793/486/18
12. РГВИА. Фонд печатных изданий. Приказ армии и флоту о военных чинах сухопутного ведомства 2 мая 1917 г. 13 с.
13. РГВИА. Фонд печатных изданий. Приказ Временного правительства Армии и Флоту о чинах военных 31 июля 1917 г. 56 с.
14. РГВИА. Фонд печатных изданий. Приказ Главнокомандующего армиями Северного фронта 4 марта 1917 г. 4 с.
15. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1189. Именной список потерь.
16. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1459. Списки воинских чинов 20-го Сибирского стрелкового полка убитых, пропавших без вести и взятых в плен неприятелем, а также раненных и контуженных.
17. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 1584. Послужные списки, наградные листы и аттестации генералов, штаб- и обер-офицеров Русской армии.
18. Саблин А.Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 128–134. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-128-134
19. Сенявская Е.С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
20. Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64

## REFERENCES

1. Abinyakin, R.M. (2010) Osobyy uchet byvshikh belykh ofitserov v sovetskoy Rossii i SSSR v 1920–е gg. [The Special Registration of Former White Officers

in Soviet Russia and the USSR in the 1920s]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3–1. pp. 66–75.

2. Anfertiev, I.A. (2021) Stalinskaya likvidatsiya kulachestva kak klassa i organizatsiya protsessa proletarizatsii sovetskogo krest'yanstva [The Stalinist Liquidation of the Kulaks as a Class and the Organization of the Proletarianization Process of the Soviet Peasantry]. *Vestnik arkhivista*. 4. pp. 1229–1244.

3. Arakelova, M.P. & Zagoruyko, M.V. (2011) Vliyanie sobytii Pervoy mirovoy voyny i fevralya 1917 g. na formirovanie rossiyskogo ofitser'skogo korpusa [The Influence of the Events of the First World War and February 1917 on the Formation of the Russian Officer Corps]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2. pp. 87–101.

4. *Baskevich Ivan Timofeyevich*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ria1914.info> (Accessed: 15th July 2025).

5. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Vysochayshiy prikaz. 4 marta 1915 g.* [Imperial Order. March 4, 1915]. Printed Publications Fund.

6. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Vysochayshiy prikaz. 1 avgusta 1916 g.* [Imperial Order. 1 August 1916]. Printed Publications Fund.

7. Gagkuev, R.G. (2024) Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoy voyne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzat' ch'yu-to storonu... [One Must Speak About the Civil War Today with Restraint, Without Striving to Take Someone's Side...]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 9(1). pp. 6–12.

8. *Memo.ru*. (n.d.) *Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR* [Victims of Political Terror in the USSR]. [Online] Available from: <https://base.memo.ru/> (Accessed: 15th July 2025).

9. Ukraine. (2011–2012) *Kniga ucheta lits sostoyavshikh na osobom uchete byvshikh belykh ofitserov v organakh GPU Ukrainy* [The Register of Persons on the Special Register of Former White Officers in the GPU Organs of Ukraine]. Kharkov: Saga.

10. *Komashko Yevgeniy Vasilievich*. [Online] Available from: <https://ria1914.info> (Accessed: 15th July 2025).

11. Petin, D.I., Stelmak, M.M. & Sushko, A.V. (2023) Ex-officers in the social space of the West Siberian Province in the 1920s: The example of Tara and its district. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 165–175 (in Russian). doi: 10.31518/2618-9100-2024-6-4

12. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1917) *Prikaz armii i flotu o voennykh chinakh sukhoputnogo vedomstva 2 maya 1917 g.* [Order to the Army and Navy on Military Ranks of the Land Department, 2 May 1917]. Printed Publications Fund.

13. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1917) *Prikaz Vremennogo pravitel'stva Armii i Flotu o chinakh voennykh 31 iyulya 1917 g.* [Order of the Provisional Government to the Army and Navy on Military Ranks, 31 July 1917]. Printed Publications Fund.

14. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1917) *Prikaz Glavnokomanduyushchego armiyami Severnogo fronta 4 marta 1917 g.* [Order of the Commander-in-Chief of the Armies of the Northern Front, 4 March 1917]. Printed Publications Fund.

15. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Imennoy spisok poter'* [Nominal List of Casualties]. Fund 16196. List 1. File 1189.

16. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spiski voyinskikh chinov 20-go Sibirskogo strelkovogo polka ubytykh, propavshikh bez vesti i vzyatykh v plen nepriyatelem, a takzhe ranennykh i kontuzhennykh* [Lists of Military Ranks of the 20th Siberian Rifle Regiment Killed, Missing in Action and Taken Prisoner by the Enemy, as well as Wounded and Shell-Shocked]. Fund 16196. List 1. File 1459.

17. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Posluzhnye spiski, nagradnye listy i attestatsii generalov, shtab- i ober-ofitserov Russkoy armii* [Service Records, Award Lists and Certificates for Generals, Staff and Chief Officers of the Russian Army]. Fund 409. List 1. File 1584.

18. Sablin, A.Yu. (2022) Adaptatsiya yunkerov-krest'yan k usloviyam gorodskoy sredy v gody Pervoy mirovoy voyny (na primere Omska) [The Adaptation of Peasant Cadets to Urban Environment Conditions During the First World War (The Case of Omsk)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 7(3). pp. 128–134.

19. Senyavskaya, E.S. (2018) Chelovek na voyne, ili Ternisty put' ot voennoy istorii k voennoy antropologii [Man at War, or The Thorny Path from Military History to Military Anthropology]. *Istoricheskiy vestnik*. 24. pp. 10–43.

20. Smirnov, N.N. (2022) "Nel'zya otdelyat' tserkov' ot grazhdanskoj istorii..." ["One Cannot Separate the Church from Civil History..."]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 7(2). pp. 57–64.

**Сушко Алексей Владимирович** – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Россия).

**Alexey V. Sushko** – Omsk State Technical University (Russia).

**E-mail:** alexsushko\_1974@mail.ru

**Петин Дмитрий Игоревич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Россия).

**Dmitriy I. Petin** – Omsk State Technical University (Russia).

**E-mail:** dimario86@rambler.ru